

Задумался он так надолго, что Освальд успел сменить дежурную улыбку на совершенно каменное лицо и, прищурившись, произнёс:

— У знатных господ память коротка. Похоже, господин Фассбиндер меня уже и не помнит.

— Помню, как же не помнить — целые каникулы вместе провели. Я просто прикидывал, сколько же я проспал — пару лет или пару столетий, — что ты за это время так вымахал... — Кевин небрежно прикинул рукой на уровне пояса, показывая: — Раньше ты вон до сюда доходил, ниже трости был, два таких хлипких мальчонки тебя составили бы.

Освальд: «...»

За прошедшие годы этот проходимец ни капли не изменился — любую, даже самую невинную фразу он умел подать так, что она звучала откровенной пакостью. Коротко ли, длинно ли — всегда найдёшь, за что зацепиться и взбеситься.

Кевин только сейчас сообразил, что тот сорванец, которого он когда-то знал, теперь его прямой начальник. Он кашлянул, отвернулся и благоразумно замолчал.

Освальд вдруг улыбнулся и неторопливо проговорил:

— Те каникулы, что мы провели с вами вместе, запомнились мне как нечто восхитительное и незабываемое. До сих пор порой снятся. Я невероятно рад видеть вас снова... как бы то ни было, добро пожаловать.

Кевин молча выслушал, а про себя уже перевёл сказанное: «Я всю жизнь не забуду, как ты меня тогда отлупил, и спустя столько лет ты наконец попал ко мне в руки — небо справедливо».

Освальд несколько мгновений наблюдал за мельчайшими переменами в его лице, потом с довольным видом осведомился:

— А что это у вас с лицом?

Кевин выдавил смешок:

— Да так, зубы разболелись. Мясо вчера слишком жёсткое зажарили.

Освальд понимающе хмыкнул, окинул взглядом окрестности и обратился к Мио, который неподалёку делал вид, что не подслушивает:

— Задержались достаточно. Все по коням. Если не возражаете, господин Фассбиндер, поедете в моей карете — мне не терпится побеседовать с вами по-старому.

Кевин, не раздумывая, отказался:

— Нет, что вы, как же неловко. Я лучше на гиппогрифе.

Мио смущённо крикнул:

— Лишних гиппогрифов нет!

Кевин обернулся, прищурился на него:

— Тогда уж ты потеснись, разделим седло пополам.

Мио похлопал гиппогрифа по мощной мускулистой шее и сказал:

— Без проблем, забирайся. По пути, когда будем проходить мимо Вольных земель, купим ещё одного. Ваше величество, как считаете?

Кевин уже занес ногу, чтобы шагнуть туда.

Освальд при этих словах тоже повернулся к Мио и, чеканя каждое слово, произнёс:

— Отлично.

Мио с невиннейшим видом выдержал его взгляд, потом вдруг хлопнул себя по бедру и завопил:

— Ой, беда! Ногу свело! Не могу пошевелиться! Ой-ёй — ы-ы-ы... Кевин, тебе лучше в карету, я не сдвинусь, места не освобожу — ой...

Он и вправду вошёл в роль: икра мелко задрожала, он всем телом навалился на гиппогрифа, заняв всё свободное пространство, и голосил не переставая.

Кевин: «...»

Искусство Мио притворяться «смертельно больным» вызывало у него искреннее восхищение. Он показал Мио два средних пальца в знак признательности, затем покачал головой и, нехотя, но сохраняя на лице улыбку, поплёлся за Освальдом.

Карета ждала у опушки леса; в неё были впряжены три совершенно чёрных гиппогрифа — куда более мощные, чем обычные, с густой вьющейся гривой за шеей, ниспадающей до самых могучих птичьих крыльев на спине. Статные, красивые звери.

Тут только Кевин заметил, что вместе с ними прибыл не только отряд бронзовой армии, но и более пятидесяти тяжеловооружённых всадников, выстроившихся по бокам кареты с ледяной, внушительной угрозой.

Кевин: «...» Это они что — искать пришли или грабить?

Он с недоумением покосился на всадников, но Освальд уже подтолкнул его в спину и затолкнул внутрь кареты.

— Что за воинственное шествие? — на ходу спросил Кевин, обернувшись.

— Человек, мёртвый уже семь лет, вдруг подаёт сигнал бедствия где-то между Вольными землями и стойбищами зверочеловеков-гигантов, — резко ответил Освальд и с грохотом захлопнул дверцу. — На твоём месте я бы поверил? А это, между прочим, я ещё сменил гнев на милость.

— А что было до того, как сменил? — полюбопытствовал Кевин.

Освальд опёрся рукой о крышу кареты и сверху вниз окинул его взглядом.

— Приказал бы железной кавалерии Уцзинь прочесать всё вокруг, и неважно, кто там мутит воду — сначала схватить, допросить с пристрастием, а не подчинится — прикончить на месте.

— ... — Кевин помолчал. — А как же Палата жрецов? Они хоть приблизительно могли бы оценить.

— Палата жрецов? — Освальд усмехнулся. — Полмесяца назад Карпентер проторчал в обсерватории целую ночь. Не знаю, что он там узрел, но с ума сошёл: растрёпанный, метался как бешеный, едва не свалился с подвесной дорожки и не разбился насмерть. Теперь сидит в Пантеоне, бросается на каждого, кто приблизится, и слова вымолвить не может. Без него остальные жалкие недоумки из Палаты ни черта не смыслят. От вчерашнего почтового жука один из них вообще в обморок грохнулся. Рассчитывать на их точные выводы — только впустую мечтать.

Кевин цокнул языком — то ли с сожалением, то ли ещё с чем.

Помедлив, он нахмурился:

— А если вы ничего не знали, то почему всё-таки передумали?

Освальд на мгновение замер, уставился на столик внутри кареты и не ответил, словно серебряный кубок, стоящий на нём, внезапно приковал всё его внимание.

Кевин прищурился.

Точно такое же выражение было у него в детстве. Каждый раз, когда Освальд так смотрел, становилось ясно — он немножко совестлив...

Вспомнив, каким несносным он был в те годы, Кевин безо всякой церемонии ткнул его рукоятью кинжала в бок и сухо поторопил:

— Я тебя спрашиваю.

— ... — Освальд от неожиданности даже опомниться не успел и выпалил на автомате: — Когда пришло донесение из Палаты жрецов, я взял людей и съездил на твою могилу.

Кевин: «...»

Освальд: «...»

Несколько секунд оба молчали. Затем Кевин, потемнев лицом, холодно усмехнулся:

— Вот как! За десять лет ты сильно поумнел! Научился могилы раскапывать и гробы вскрывать, да?!

Освальд ничуть не смутился:

— А что же мне было — без подтверждения сломя голову нестись? Ты уж слишком о себе высокого мнения!

— Я всегда был о себе высокого мнения! — Кевин занёс было ногу, чтобы пнуть его.

Тот, кто вырос в военном лагере, и не может быть нежным. Кевин, кроме своей обманчиво интеллигентной физиономии, не имел ни единой черты, которая хоть отдалённо напоминала бы «интеллигентность» или «мягкость».

Но едва подняв ногу, он вдруг вышел из автоматического режима: «...» Катастрофа. Подошва

сапога нацелена прямо на императора. И как теперь её беззаботно опустить...

— ... — Освальд тоже наконец осознал своё нынешнее положение. Он несколько мгновений разглядывал подошву, застывшую перед его носом, и с издёвкой протянул: — И всё же, господин Фассбиндер, даже после стольких лет комы вы умудряетесь задирать ноги так высоко. Поразительно.

Они так и сидели, глядя друг на друга, когда дверцу кареты трижды хлопнули ладонью.

Кевин не раздумывая опустил ногу, обернулся и открыл:

— Кто та...

Он не договорил — на пороге стоял тот самый мальчик-львёнок, который, пыхтя, вскарабкался внутрь и заявил:

— Тот кудрявый не отпускает меня и не даёт залезть на гиппогрифа, заставил идти в карету.

— Кудрявый? Какой кудрявый? — Кевин высунулся наружу и увидел, как впереди Мио машет ему рукой.

Ну хоть совесть у тебя есть.

Кевин хмыкнул про себя и без лишних слов затащил мальчишку внутрь.

Освальд недовольно цокнул:

— Что, уже не бешишься от мелких? И ещё прихватил с собой, значит?

Мальчик моргнул, не стал искать сиденье, а по-хозяйски уселся на пол в углу, скрестив ноги, и ответил:

— Да нет, вчера он меня несколько раз отлупил.

Кевин: «...» Ты зачем наговариваешь на меня при постороннем?

Мальчик повернул голову, чихнул в открытую дверцу, потёр зачесавшийся нос и приглушённо добавил:

— Но вчера он хвастался, что я ещё не самый несчастный: раньше он воспитывал такого же, как я, ребёнка, и тому доставалось ещё больше. Интересно, кто же тот бедолага.

Бедолага Освальд: «...»

Кевин мигом вытащил из вазы на столе огромную кислую ягоду и бесцеремонно засунул её мальчишке в рот, чтобы тот заткнулся.

Мальчик скривился от кислоты так, что слёзы потекли ручьём, и про проказы действительно забыл.

Освальд медленно произнёс:

— Хвастался, значит...

Кевин с самым серьёзным видом ответил:

— Ничего подобного.

<http://bllate.org/book/18285/1753176>